

№258 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Праведность от Бога и «собственная» праведность

Архим. Ианнуарий Ивлиев

Из нынешнего чтения на воскресной литургии: «Братья! – обращается апостол Павел к христианам Рима. Желание моего сердца – спасение Израиля, и о них моя молитва к Господу. Я свидетельствую: есть у них ревность в служении, но нет у них истинного разумения. Ибо, не признавая праведности от Бога и стремясь вместо нее поставить свою собственную праведность, они праведности от Бога не подчинились, потому что Христос – конец Закона, и праведным теперь становится всякий верующий...» (Рим.10,1-4).

Центральное слово прочитанного отрывка – «праведность», или «правда» в церковнославянском варианте. Собственно, это – одно из ключевых слов библейского богословия вообще. Что же касается Послания к Римлянам, то в нём оно и на самом деле «ключевое», то есть тот ключ, который открывает дверь в самую острую проблему иудейской среды, из которой вышел сам Павел...

И вот, Послание к Римлянам начинается с великого утверждения апостола: ныне правда Божия стала реальностью, она открывается в Евангелии Иисуса Христа, в Его Слове о спасении **всякого верующего**: «сила Божия ко спасению подаётся всякому верующему - во-первых, Иудею, потом и Эллину. Ибо..., как написано: праведный **верою** жив будет» (Рим.1,16-17). И всё дальнейшее в Послании посвящено доказательству этого тезиса: Именно вера в Иисуса Христа, «нас ради» умершего и «нашего ради спасения» воскресшего, приносит всем людям праведность, которая «по вере», а не «по Закону» (Моисееву), от Бога, а не от нас, как дар благодати, а не как плата за наши заслуги, чаще всего мнимые.

Спасение – **ВСЕМ** людям, – утверждает апостол, – Иудеям и Эллинам! Но вот это «**всем людям**» огорчало большинство иудеев, вызывало обиду, сопротивление и отторжение, ибо в известном смысле приравнивало иудеев язычникам! *Вхождение в Церковь* язычников было соблазном для иудеев: они «преткнулись о камень преткновения» (Рим.9,32). Израиль отверг Иисуса Христа, не уверовал в своего Спасителя, что приносит апостолу Павлу великую печаль и непрестанное мучение его сердцу (Рим.9,2). Он размышляет о трудной судьбе своего народа и молит о его спасении.

Апостол свидетельствует о глубоком уважении к религиозной «ревности» Израиля. Ведь и сам

он до своего призвания и обращения был страстным «ревнителем отеческих преданий» (Гал.1,14). Однако уважение к религиозному усердию Израиля не препятствует ему со всей определённой говорить о том, **ЧТО** ныне отличает иудеев от христиан. Отличает же иудеев отказ признать, что в Иисусе Христе действовал Сам Бог для спасения всех людей, что Всевышний даровал нам праведность в Иисусе Христе. Поэтому ревность Израиля о Боге стала религиозным усердием «без разумения» (каким было и усердие самого апостола Павла перед его призванием, пока он был просто Савлом)... Страстное усердие Израиля было направлено мимо истины и против истины. После откровения в Иисусе Христе, после Его Евангелия стало ясным, что стремление Израиля к праведности в рамках послушания Закону Моисея было тщетным стремлением утвердить перед Богом собственную старую праведность вместо принятия новой праведности от Бога, дарованной в Иисусе Христе. И здесь апостол высказывает свой основной тезис: «они не подчинились праведности от Бога», потому что они чувствовали, интуитивно понимали, что «Христос – конец Закона». (Все ветхозаветные предписания – обрядовые и поведенческие, к которым иудеи так привязаны, с пришествием Христа теряют свою актуальность, подлежат быть сметёнными на свалку истории). Вероятно, то же чувствовал и Савл, когда он преследовал христиан. Признать Христа – значит пойти дальше и выше Ветхозаветных установлений, дальше и неизмеримо выше упования на исполнение предписаний, правил, обыкновений, толкований, инструкций, ибо концом и целью Закона – свода всех этих правил, является Христос, и праведным теперь становится **всякий**, верующий в благодатный дар Божий в Иисусе Христе, всякий, принимающий новую жизнь в свободе и творчестве, вдохновлённых Христом.

Но иудеи выходить за пределы Закона не хотят! Они не желают с ним расставаться. Потому и не покоряются истине Евангелия...

Почему бы прихожанам не перецеловаться друг с другом?

После песнопения, прозванного Херувимской, как все Вы прекрасно помните, следует просительная ектеня. Почему «просительная» - с одной стороны, понятно – по словам кратких воззваний – и того просим, и сего – и Ангела мира, верного наставника, и прощения грехов, и всего полезного душам нашим, и жизни нашей остаток провести в мире и покаянии – всего этого у Господа просим. С другой стороны – а что все остальные ектеня – разве не просительные? Та же мирная ектеня - разве не из прошений состоит? Только они оканчиваются не словосочетанием: «Господа просим», а: «Господу помолимся».

Ну, да ладно. Ектеня оканчивается возгласом «Возлюбим друг друга, дабы единомысленно исповедать Отца, и Сына, и Святого Духа...»

Здесь слово «возлюбим», употребляемое в наши времена, вполне адекватно атмосфере, царящей в наших храмах. Но слово **неправильное** по отношению к древним литургическим спискам. Должно быть здесь – **облобызаем**, расцелуем друг друга! И, по идее, все при-

сутствующие в этот момент, как и было в древности, должны перецеловаться – ну, может, не обязательно все со всеми, но, по крайней мере, с близстоящими. Сейчас никто этого не исполняет, кроме священников в алтаре, по простой причине – присутствующие в храме недостаточно близки друг другу. Толку от того, что мужичок этот двадцать лет подряд посещает храм сей, а соседняя бабушка – все 50 – ни она не знает – как того зовут, и кто он такой, ни её никто не празднует. Это, как в анекдоте: проводят учёные социологи эксперимент – на целый год на необитаемые острова засылают маленькими группами из двух мужчин и одной женщины представителей разных национальностей, а затем изучают их поведенческие особенности. Хуже всех пришлось русской женщине. Эти два мужика оказались из бывших коммунистов – один взял на себя обязанности парторга, а второй комсорга. Днём они спали, в то время, как бедная женщина работала, а ночью эти два «совка» заседали, рассматривая её аморальное поведение. **Французы** по-своему решили проблему – составили график – неделю один муж, а второй – любовник, а вторую неделю – наоборот. Евреи удивили – приезжают к ним на остров экспериментаторы, смотрят, а там на двоих мужчин – две женщины. Спрашивают: а откуда вторая взялась? Семиты признаются: «трудно было, но достали». А вот у англичан – вообще никак. Прибыли к ним через год с большой земли – женщина живёт отдельно в одном шатре, а двое мужчин – на почтительном расстоянии в другом. Что ж так? – интересуются. А вы, говорят, когда нас сюда доставляли, друг другу не представили. А мы, ведь, джентльмены – так до сих пор с леди и не познакомились.

Так и в большинстве православных храмов – годами рядом стоят на Богослужениях, но друг с другом – не то, что тёплых отношений нет – вообще незнакомы. Ну и в свете этого, призыв прихожанам к целованию друг друга в худшем случае может разразиться скандалом, а в лучшем – стеснением. Ну действительно – рядом со мной посторонний для меня человек – ну мало ли, что я его частенько в храме вижу – не знаю его, да и знать особого желания у меня не возникает. Ну, если молодую красивую женщину поцеловать – в этом есть своя прелесть. Ну а если беззубый старик, от которого запах месяц нестиранного белья – это же надо через себя переступить. Поэтому возглас: **«возлюбим друг друга...»** гораздо уместнее в наших условиях, чем: **«расцелуем друг дружку...»**. И звучит респектабельно, и ни к чему не обязывает.

Затем следует возглас: **«Затворим двери в премудром благоговении!»** В этом году мы входную дверь в храм не затворяли в ответ на этот императив и, в общем, мало чего потеряли от сего. Но года три-четыре назад мы какой-то период исполняли это уставное предписание, и на время исполнения Евхаристического канона запирались здесь в храме. Были люди, которым это не нравилось, некоторые даже возмущались, но потом как-то попривыкли. И Вы знаете – хороший результат, который в большой мере сохраняется и по сей день. Нет **хождения** на Евхаристии, мельтешения, шума. Ведь, как было? Как и в абсолютном большинстве храмов – тут совершается величайшее Таинство, а они – туда-сюда, туда-сюда – эти полуверы-

язычники. Ну не в ругательном смысле – слава Богу, что таковые вообще пришли в храм. Но для них, что важно? Подойти к такой-то иконе и возжечь возле неё свечу. Ну, это такой уровень – не стреляйте в пианиста!.. Посему очень было полезно в этот кульминационный момент Богослужения запереть двери, чтобы никто в это время не входил и не выходил из храма. Конечно, следует посочувствовать страдающим клаустрофобией, но, как результат – сейчас мы двери вовсе не закрываем, а люди почти все ведут себя смиренно – значит, выросли из своих языческих штанишек. В то время, как в других храмах, вообще непонятно, что там дьякон возглашает. Ну что значит – «Двери, двери, премудростию вонмем». Здесь и филолог не разберёт, и полиглот окажется бессилён. Ну, слово «двери» – понятно. «Премудростию» – тоже несложно догадаться. Что такое «вонмем» – простолюдины не знают, но даже если им и объяснить, что в переводе на русский это «будем внимательны» – легче от этого никому не станет. «Двери, двери, премудростию будем внимательны!» – галиматья получается. Ну, да ладно – пусть это остаётся на совести идолопоклонников славянского языка.

Исторически запираение дверей перед совершением Евхаристии мотивировалось – дабы исключить появление на молитвенном соборании человека случайного – неверующего, нехристианина, **неподготовленного** к участию в этом Таинстве Завета. Конечно, это ограничение – палка о двух концах. С одной стороны действительно поднимается планка Евхаристии, подчёркивается её святость, сакральность. Но с другой – наносится ущерб миссии. Зачем исключать присутствие посторонних, если они, конечно, ведут себя смиренно? Собственно, в последнем и проблема – чаще всего крутятся, галдят. Но ежели – тише воды? Кто-то из новопришедших просто понаблюдал, до чего-то что-то дошло, кому-то что-то открылось, а чьего-то сердца коснулась Благодать. Глядишь, и года не прошло, а он уже из разряда прохожан влился в семью чад Божьих, состоящих в Завете.

Посему, вместо дьяконского возгласа: «Двери, двери, затворим в премудром благоговении», правильнее, наверное, было бы возгласить призыв к соблюдению абсолютной тишины в храме и непозволительности лишних движений. К слову говоря, это касается и детей некоторых, которые ещё, не понимая всей серьёзности происходящего на священном престоле, могут кричать, шуметь, вертеться, бегать по храму, и тем самым фактически убить молитвенный настрой участников Евхаристии, что, конечно, недопустимо. Здесь надо либо каким-то образом внушить чаду, чтобы он вёл себя подобающе, либо в это время погулять с ним в церковном дворе.

Т.е., приближается самый главный момент в Богослужении, а на самом деле – и в жизни христианина – подтверждение нашего Завета с Богом, продление его, актуализация. И здесь не только внешний шум недопустим, но и наш внутренний – мысли посторонние, желания, мечтания. Не зря перед этим звучало в Херувимской песне: «всякое ныне житейское отложим попечение».